

УДК 001.32(470)

DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-3-147-155

V Чтения памяти Елены Сергеевны Новик

Елизавета В. Юсупова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, eeyusupova@yandex.ru*

Дата поступления статьи: 8 ноября 2023 г.

Дата публикации: 27 сентября 2024 г.

Для цитирования: Юсупова Е.В. V Чтения памяти Елены Сергеевны Новик // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 3. С. 147–155. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-3-147-155

The 5th Readings in memory of Elena Sergeevna Novik

Elizaveta V. Yusupova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
eeyusupova@yandex.ru*

Received: November 8, 2023

Date of publication: September 27, 2024

For citation: Yusupova, E.V. (2024), "The 5th Readings in memory of Elena Sergeevna Novik", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 3, pp. 147–155, DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-3-147-155

14 сентября 2023 г. в Российском государственном гуманитарном университете состоялись V Чтения памяти Елены Сергеевны Новик, которые проводятся раз в два года. Елена Сергеевна Новик (1941–2014) была выдающимся фольклористом и этнографом, исследовательницей культуры народов Сибири, автором более 150 научных работ, среди которых монография «Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: опыт сопоставления структур» (М., 1984; 2-е изд., дополненное – 2004). Чтения памяти Е.С. Новик собирают многих ее коллег и учеников, выступающих с докладами

© Аданькина А.В., 2024

на темы, близкие ее научным интересам: типология и семиотика фольклора, структурно-семиотические исследования, теория коммуникации и символический интеракционизм, шаманизм и ранние формы верований, обряд и фольклор Северной и Центральной Азии, визуальная антропология.

В 2023 г. в Чтениях приняли участие исследователи из разных регионов России, а также из-за рубежа. Открыла заседание Л.М. Ермакова (Университет иностранных языков, Кобе, Япония) с докладом «О некоторых материковых мотивах в японской мифологии». Автор попыталась восстановить типологические связи нарративов о правительнице-шаманке Дзингуу и ее сыне, императоре Одзин, с некоторыми фольклорными мотивами Восточной Азии, связанными с чудесным рождением. Во многих случаях в центрально- и восточноазиатском эпосе у новорожденного персонажа-богатыря в одной руке находится волшебное оружие, а в другой – некий дополнительный фрагмент человеческой плоти, в японской версии эти модификации сливаются в одном объекте. Л.М. Ермакова также проанализировала миграцию этих сюжетов вместе с переселенцами с Корейского полуострова, привела исторические данные, которые позволяют сделать вывод о родстве и связанности сюжетов в Японии с материковыми мифологическими представлениями.

В докладе «Купец в стране мертвых: еще один “сибирский след” в средневековой китайской мифологии» А.Б. Старостина (Институт востоковедения РАН, Москва) проанализировала тексты X в., в частности рассказ «Купец из Цинчжоу» из сборника «Цзи шэнь лу», где присутствует упоминание о «стране гуев» (гуй го). Слово «гуй» обычно обозначает душу умершего человека, но используется и для характеристики существ демонической сферы, например упоминаемых в «Шань хай цзин» похожих на человека существ с одним глазом. Докладчица привела тексты, в которых есть объяснения, кто такие гуи, как они выглядят и где располагается гуй го. Рассказ «Купец из Цинчжоу» повествует о купце, который попал в мир духов, где он сам предстает демоном, который приносит болезни, поэтому магический специалист предлагает ему еду, вино и транспортное средство, тем самым изгоняя его. В конце доклада А.Б. Старостина заключила, что такого рода рассказы редки для китайской сюжетной прозы, хотя и отражают местные практики изгнания болезнетворных духов, а о внешнем происхождении рассказа свидетельствует его оформление как истории мореплавателя.

С.Ю. Неклюдов (РГГУ, РАНХиГС, Москва) в докладе «Медвежье супружество: Mot. B601.1.1; B611.1 (AaTh 301, 650)» рассмотрел версии сюжета о браке женщины с медведем (реже – мужчины

с медведицей). Сюжет схож с «невольным супружеством» с диким человеком /демоном, однако заканчивается убийством родителя-медведя подросшим сыном, который и становится героем. Бытование этого сюжета исследовал Ф. Панцер, который проанализировал 200 вариантов сюжета и попытался выяснить причину, по которой женщину заставляют в лесу и похищают. С.Ю. Неклюдов заключил, что, по всей вероятности, этот сюжет неразрывно связан с североазиатскими мифами о медведе и восходит к мифам о животном-родителе, который превращается в человека. Североамериканские версии являются самодостаточными и вполне устойчивыми, а с «продвижением» мифа на юг этот сюжет претерпевает изменения, и на месте медведя-супруга оказывается ягуар (а в Азии при аналогичном процессе – тигр или обезьяна).

Продолжая тему «медвежьих» фольклорных сюжетов, М.В. Осипова (МАЭ РАН, Санкт-Петербург) представила доклад «Сюжетно-мотивный состав айнских и нивхских “медвежьих” мифологических текстов: их универсальные и локальные особенности». Для айнов и нивхов медведь – важное промысловое животное, с которым связан целый ряд мифологических представлений, он был тотемом отдельных родов, их первопредком, с ним был связан детально разработанный комплекс обрядовых действий и запретов, что также нашло отражение в мифах и сказках. Докладчица отметила, что лингвисты и фольклористы (А.А. Бурькин, Е.С. Новик, Ю.Е. Березкин, Е.Н. Дувакин) предпринимали попытки систематизации сюжетов о медведе, однако эта систематизация не охватывала всех текстов и не учитывала записи иностранных ученых, которые и проанализировала в своей работе докладчица. Она выделила сюжеты, встречающиеся в текстах, особо отметив локальные мотивы, которые не нашли свое отражение в указателе Томпсона.

В докладе «Диалоги в жизни и творчестве Юрия Вэллы» Н.И. Новикова (ИЭА РАН, Москва) рассказала про жизнь и деятельность известного ненецкого поэта Юрия Вэллы. В своих работах Юрий Вэлла использовал такие символы мира коренных народов Севера, как олень, чум, молчание. Работа и общественные акции Юрия Вэллы вызывали широкий резонанс и встречали поддержку его сообщества. В своем творчестве он часто обращался к фольклору ненцев, к богатой традиционной культуре. Особое внимание в его работах уделено феномену молчания как коммуникации, что очень распространено у ненцев: через молчание ненцы могут сказать гораздо больше, чем с помощью слов. Творчество Вэллы способствовало распространению знаний о языке и культуре коренных народов Севера. Н.И. Новикова особо отметила недавние публикации собраний его книг, где последний

том содержал не столько работы Юрия Вэллы, сколько рассказы людей о нем. Творчество ненецкого поэта предстает как диалог с обществом, природой и миром, а также корпорациями, так как промышленное освоение Севера сопряжено с непониманием важности сохранения культуры.

О.Э. Добжанская (Арктический государственный институт культуры и искусств, Дудинка) в докладе «Инновационные процессы в музыкальном фольклоре нарымских селькупов» провела анализ современного музыкального фольклора южных селькупов. В качестве основы для анализа были выбраны публикации «Обские напевы селькупов Нарымского края» В. Тузаковой и И. Коробейниковой, а также публикации мелодий в сборнике А.О. Вайзынена. Рассмотрев современные авторские песни, песенно-танцевальные композиции, частушки, колыбельные и напевы, докладчица пришла к выводу, что музыкальный фольклор селькупов имеет тенденцию отхода от традиции под влиянием русского фольклора и советских песен. Однако в современных композициях сохраняются традиционные элементы селькупского музыкального стиля: звукоряд, организация мелодического движения. Также докладчица сделала интересное замечание о том, что в современных фольклорных произведениях активно используются звукоподражания голосам животных и птиц, которые характерны для таежного ландшафта селькупов.

В.А. Пушкина (Санкт-Петербургский университет) в докладе «Голос пения: как о нем говорят и почему о нем говорят в прошедшем времени» рассмотрела голос певца как феномен, а также категории, которыми пользуются деревенские певцы, когда говорят о голосе. Для анализа были взяты материалы Фольклорного архива СПбГУ, а также личные полевые записи автора, собранные в экспедициях 2021 и 2023 гг. в деревне Вожгора Лешуконского района Архангельской области. Анализируя предикаты, связанные с голосом, докладчица пришла к выводу, что голос может выступать как материальный объект, который можно передать, как персонификация, как знак социального статуса, а также как сигнал ситуации кризиса («реветь», «кричать» и т. д.). В.А. Пушкина отметила, что голос может изменяться, и с его изменением может меняться репертуар, часто о нем говорят в прошедшем времени («был голос хороший»). Смена голосовых регистров может быть связана с ритуалом, со сменой настроения, социального положения, а также с изменой, порчей и другими подобными ситуациями, которые считаются в деревенском сообществе ненормальными.

М.Г. Белодедова (РГГУ, Москва) в докладе «“Здесь вырос Мало, и здесь он промышляет”: функции ненецких песен нюкубц» проанализировала ненецкие детские личные песни, которые

обычно исполняются от лица ребенка взрослыми. Ньюкубц можно сравнить с русскими колыбельными песнями, однако их функциональное поле оказывается гораздо шире. М.Г. Белодедова привела примеры функций, которые присущи как колыбельным, так и ньюкубц. Эпистемологическая функция, например, посредством которой происходит включение ребенка в традицию, охранительная функция, когда песня воспринимается как оберег, или прогностическая функция – в песне описывается будущее именно того ребенка, которому она исполняется. Функция усыпления, которая является неотъемлемой частью колыбельных, присуща не всем песням ньюкубц, а только тем, которые обладают подходящим мотивом. Наиважнейшей функцией ньюкубц является ласкательная – с помощью песен родные выражают свои чувства по отношению к ребенку. Другим важным отличием является тот факт, что в русской традиции колыбельные исполняют только детям, а ньюкубц может быть исполнена и взрослому человеку.

В докладе «Олонхо и обрядовые формы якутского фольклора: к соотношению жанровых картин мира» *С.С. Макаров* (ИМЛИ РАН, Москва) проанализировал соотношение якутского героического эпоса с обрядовыми жанрами фольклора, такими как благопожелания, тексты молений, словесный компонент шаманских камланий. Повествовательные жанры нередко заимствуют песенные, речитативные компоненты ритуалов, а также включают в себя сцены ритуальных действий, которые могут быть важной частью эпического сюжета. Автор проанализировал список формальных словосочетаний, выявленный из фиксаций якутского героического эпоса олонхо, и сравнил их с сочетаниями, встречающимися в записях обрядовой поэзии. Докладчик пришел к выводу, что оба этих жанра используют общий «высокий» стилиевой регистр, основывающийся на образцах кратких ритмизованных сочетаний, вероятно, восходящих к фразам культового характера, однако показательными могут выступать тематические группы общей для эпоса и обрядовых жанров лексики. Таким образом, в докладе была предпринята успешная попытка очертить на конкретном материале точки соприкосновения картин мира двух жанровых сфер якутского фольклора – повествовательного и ритуального.

А.Н. Кулаевская (РГГУ, Москва) в докладе «Солярно-лунная мифология народов Северной и Центральной Азии: некоторые корреляции» проанализировала мотивы противоположного содержания внутри мифологических систем народов Монголии, Сибири и Дальнего Востока. Рассматривая мотивы солярно-лунной мифологии («Солнце – мужчина, Луна – женщина», «Солнце – женщина, Месяц – мужчина», «Солнце и Месяц – мужчины», «Солнце и Луна – женщины», «Солнце – женщина», «Двуполое

Солнце», «Двуполая Луна /Месяц»), автор сделала упор на категории грамматического рода в языках исследуемых народов. Гендер светила в мифологии народов енисейской языковой семьи совпадает с грамматическим родом обозначающего его слова в их языках. В ходе исследования А.Н. Кулаевская сравнила имена персонажей со словами «солнце», «луна» и «месяц» на языках изучаемых народов и предположила, что встречаемость мотивов коррелирует с именами, образованными от эпитетов (например, «отец», «мать») в языках, в которых нет деления на роды. В ходе исследования был сделан вывод, что эта гипотеза верна только для эвенков, хантов и кетов. Однозначно сказать, есть ли корреляция между встречаемостью противоположных мотивов и наличием категории рода, нельзя, так как у большей части народов исследуемого региона встречаются мотивы противоположного содержания и отсутствует категория рода, а в кетском языке родовая отнесенность слов «солнце» и «луна» не совпадает с гендером персонажей, обозначаемых этими лексемами.

О.Б. Христофорова (РГГУ, РАНХиГС, Москва) в докладе «Луна, девочка и шаман: мифологические мотивы и их приключения» рассмотрела распространенные в Северной Азии мотивы, объясняющие пятна на луне. Более всего в регионе встречается мотив «девочка с коромыслом», а вторым по распространенности, но не менее важным является мотив «шаман на луне». Девочка может быть послана злой матерью или мачехой ночью за водой; посредством мольбы она оказывается на луне. Другой вариант – девочка дразнила луну и была наказана, третий вариант повествует о девочке, которая не слушалась матери и была наказана луной за это. Шаман же может отправиться на луну и остаться там, хвалится перед луной и оказывается ею наказан или же совершает плохие поступки и также оказывается наказан луной. О.Б. Христофорова предполагает, что мотив девочки, широко распространенный по всему миру, встречается на территории севера Сибири с мотивом шамана, и их встреча дает несколько трансформаций. В частности, к трансформациям относятся сюжеты про людоеда Тильбегена / Чилбегена, которого забрала луна, у алтайцев и хакасов.

В продолжение темы исследования Сибири *Е.В. Коровина* (Институт языкознания РАН, Москва) представила доклад «И комары... сибирские тексты о происхождении комаров», в котором рассмотрела сюжеты, связанные с появлением этих кровососущих насекомых. Рассматривая сибирские сюжеты, взятые из каталога Ю.Е. Березкина и Е.Н. Дувакина, докладчица пришла к выводу, что существуют два основных сюжета, которые объясняют появление комаров. Первый из них повествует о чудовище (часто людоеде), которое было уничтожено, а потом из его праха возникли

различные насекомые. Некоторую трансформацию этого сюжета мы можем найти у эвенков и западных якутов: согласно их текстам, комары появляются из испражнений или газов некоторого существа. Второй же сюжет рассказывает о том, что комары были выпущены из какого-то вместилища, в котором хранились. Также Е.В. Коровина отметила существование промежуточного сюжета, согласно которому комары появились из дыры в земле, проделанной отрицательным персонажем. Есть также и единичные варианты, которые не входят в этот спектр сюжетов, например появление комаров из волоса.

Доклад *Д.Ю. Доронина* (РГГУ, РАНХиГС, Москва) «Память о духе: мифологические представления кетов в фольклорных записях 2020–2023 гг.» был посвящен «мифологической памяти» у современных кетов. Материалом для исследования послужили полевые записи автора во время путешествия по Енисею в 2020–2023 гг., а также более ранние записи исследователей кетской мифологии. Докладчик проанализировал, как в современных ритуальных, хозяйственных, повседневных ситуациях манифестируются и сохраняются представления о неантропоморфных сверхъестественных существах, а также рассмотрел использование культурного наследия «этническими предпринимателями». Проанализировав нарративы о семейных духах-охранителях, духах – хозяевах природных локусов, подземных и небесных божествах, культурных героях, докладчик подчеркнул, что в ответах собеседников на первом плане оказывалось не мифологическое содержание, а, например, язык или материальная культура, спасение которых представляется для людей более важным, чем сохранение фольклора и мифологии.

И.С. Веселова (СПбГУ, Санкт-Петербург) в докладе «Коммуникативные ошибки и провалы как событие в нарративе» проанализировала устные рассказы из Фольклорного архива СПбГУ и электронного архива «Российская повседневность» и представила список жизненных ситуаций, которые становятся триггерами для рассказывания. Жизненные ситуации разделяются на категории, первая из которых «Угроза жизни и здоровью» включает в себя прежде всего жизненные ситуации, связанные с прямыми угрозами физическому существованию и благополучию человека. Вторая категория «Социальные институты и отношения» состоит из подразделов, в которых события сгруппированы по масштабу и качеству социальных связей в том или ином институте (например, личные, семейные, рабочие). Раздел «Ритуальный опыт и ритуальные конвенции» состоит из текстов, в которых рефлексировались ритуальные переживания, например опыт участия в праздниках, родах, похоронах. Категория «Речевые конвенции»

собрала в себе жизненные ситуации, в которых происходит нарушение норм и правил коммуникации, такие как брань, проклятия, обвинения и т. д. Докладчица сосредоточилась на этой последней категории нарративов, представила статистику по основным речевым ситуациям, которые выделяют рассказчики, а также описала основные сюжеты, персонажей, обстоятельства и эмоции, связанные с такими рассказами.

В докладе «Коммуникативные уровни рассказов о вещем сновидении: мир без границ» *К.М. Лыскова* и *И.С. Веселова* (СПбГУ, Санкт-Петербург) исследовали нарративы о вещих снах. Анализ был проведен на основе полевых записей, сделанных во время фольклорной экспедиции СПбГУ в 2018 г. в д. Езевец Мезенского р-на Архангельской обл., где были зафиксированы нарративы о вещем сновидении от женщины 1958 г. р. Рассказ о вещем сне становится способом пережить критическую жизненную ситуацию. В рассказах происходит взаимодействие на трех коммуникативных уровнях: 1) между участниками интервью; 2) между персонажами рассказов; 3) в «рассказах в рассказе» внутри второго уровня. Проанализировав коммуникацию на каждом уровне, докладчицы выявили их коммуникативные и семантические особенности. Заметной чертой является «открытость» коммуникации на нарративных уровнях, когда «равноправно» общаются живые и мертвые, далекие и близкие, духи и люди. Открытость и доступность коммуникации всех со всеми и есть предмет сообщения рассказа о вещем сновидении.

В заключение Чтений *А.С. Архипова** (Высшая школа социальных наук, Париж, Франция) представила доклад «Семиотика уличных визуальных высказываний», в котором была проанализирована коммуникация людей в сложной кризисной ситуации с помощью стрит-арта. Предметом исследования послужил так называемый «тихий /слабый /молчаливый протест», выступающий способом сопротивления в случае, когда это затруднительно или невозможно. *А.С. Архипова** представила классификацию типов уличной коммуникации, среди них прямое послание; обращение к потенциальному союзнику; авторитетное высказывание, которое использует цитаты из известных произведений; контрпослание, ломающее официальный сигнал в момент получения; маскировка или шифровка сигнала; пустой знак; метатекст, или надпись о надписи. В заключение докладчица привела несколько возможных интерпретаций мотивировки этих посланий, например, для избежания цензуры или для более эффективной демонстрации и продвижения своей позиции (на основе использования

* Внесена Министерством юстиции РФ в реестр «иностранных агентов».

когнитивной теории восприятия абсурдных и юмористических текстов, которые легче запомнить, чем прямое послание).

Чтения памяти Е.С. Новик вызвали большой интерес у исследователей, как пришедших в РГГУ, так и присоединившихся к заседанию онлайн. Программа Чтений и сборник тезисов опубликованы на сайте Центра типологии семиотики фольклора РГГУ¹.

Информация об авторе

Елизавета В. Юсупова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; *eejusupova@yandex.ru*

ORCID ID: 0009-0008-7028-0171

Information about the author

Elizaveta V. Yusupova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; *eejusupova@yandex.ru*

ORCID ID: 0009-0008-7028-0171

¹ Программа Чтений и тезисы докладов находятся в открытом доступе на сайте ЦТСФ: V Чтения памяти Е.С. Новик // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <https://ctsf.ru/conference/v-chteniya-pamyati-es-novik> (дата обращения 1 ноября 2023).